

Матьяна
Веденская

ЛУЧШИЙ
РОМАН
ОБ
ОТНОШЕНИЯХ
ЖЕНЩИН
СЕКРЕТЫ

ЗНАЕТЕ,
ЭТО
ЛЮБОВЬ?

Татьяна Веденская

Думаешь, это любовь?

«Автор»

2009

Веденская Т.

Думаешь, это любовь? / Т. Веденская — «Автор», 2009

Журналистка Саша – независима и свободолюбива, мужчины для нее – всего лишь тонизирующий напиток для поддержания бодрости духа. Серьезные отношения, семейные обязанности? Увольте. Это не для нее. Ведь ей так хорошо одной. Но нечаянная мечта о том, кто однажды перевернет всю ее жизнь, вдруг становится реальностью. Однако любовь, как и красота, обязательно требует жертв. Готова ли на них женщина, привыкшая жить только для себя? Особенно если жертв этих слишком много?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Веденская

Думаешь, это любовь?

С благодарностью моему мужу

Глава 1

Остановка по требованию

Наши отношения трещали по швам, но он этого даже не замечал. Хотя, собственно, что тут странного. То, что мы с ним уже практически чужие люди, я и сама обнаружила только час назад, в тот момент, когда его номер появился на экране моего мобильного.

Я ехала на работу в набитом людьми вагоне, подумывая о том, что неплохо бы было поправить свое материальное положение написанием парочки левых статей, и тут телефон завибрировал у меня в кармане. Теперь телефон достанет нас и из-под земли, в прямом смысле этого слова. Я достала аппарат (маленький и стильный, его подарок, между прочим), увидела имя – Саша – и сбросила вызов, потому что испытала вдруг болезненное нежелание ввязываться в длительные разговоры ни о чем: о крутых штанах, которые брат привез ему из Европы, о плазме, которую он отхватил на распродаже. О чем еще мой МЧ¹ обычно говорит? О вечеринке, на которую мы с ним просто обязаны сходить завтра вечером. Я знала все его вечеринки, они были невообразимо насыщены и еще больше скучны. Когда в комнатах набивается столько народу сразу, становится совершенно нечем дышать. Я прокрутила весь наш воображаемый диалог за одну секунду и сбросила звонок, да простит мне господь всемогущий этот грех. Тем более что это лишь короткая передышка на то время, что я буду ехать до работы. Работали-то мы все равно вместе.

Сегодня он улыбался так, словно кто-то угостил его особенно вкусным пряником.

– Как ты? Отдохнула?

– Да, – коротко ответила я, внезапно вспомнив, что вчера сказала ему, что не хочу встречаться, так как очень-очень устала. А на самом деле я чувствовала себя просто прекрасно, в полном восторге валялась около своего старенького телевизора, гладила кошку Шушеру и смотрела диск «Амели» в сто первый раз. И лопала зефир в шоколаде.

– Все-таки ты зря тоже не купила себе плазму. – Саша начал с того места, где мы закончили накануне. – Это вещь! Я насмотреться не могу. Да еще, ты представляешь, оказывается, у меня модель со встроенным жестким диском.

– Супер, – кивнула я, еле удержавшись, чтобы не зевнуть.

Супер стоил около тысячи долларов, а при моем спокойном отношении к телевидению он того не стоил. Но Саша сиял от восторга. Я пересилила себя и улыбнулась, решив, что сегодня, пожалуй, пойду и погуляю вечером одна. И подумаю о том, что теперь делать.

– Ты дописала про гостиницы? – любезно поинтересовался он.

– Сейчас как раз собиралась. – Я выразительно посмотрела на него и одновременно с этим запустила компьютер на своем замусоренном рабочем столе. Аккуратность никогда не была моей сильной стороной. Меня так и тянет наворотить бумажных гор, в них я почему-то чувствую себя спокойнее.

Мы работали в компании, занимающейся наполнением разных интернет-сайтов информацией. Писали кучу бессмысленных статей, заметок и горячих новостей. Каждый, кто пользует-

¹ МЧ – аббревиатура «молодой человек».

ется Интернетом, постоянно натывается на наши ссылки. «Успехи в фитнесе выше у тех, кто не предохраняется». Или «Наконец-то усыпили больного тигра». Есть и посерьезнее. К примеру, «На стройке в Москве произошла драка между гастарбайтерами и представителями органов внутренних дел». Наверняка у многих возникает вопрос – кто пишет всю эту дребедень? А это мы, мы... Кроме того, нередко мы готовим материалы для некоторых газет, в большинстве своем весьма скучных и не очень популярных. Отчасти благодаря нам. Мы сотрудничаем с ними, потому что за это неплохо платят.

– Ну, успехов. – Саша постоял в нерешительности, обдумывая, стоит ли поцеловать меня нашим дежурным утренним поцелуем или нет. Видимо, понял, что не стоит, кивнул, стукнул легонько костяшками пальцев по столу и отошел в сторону.

Я вздохнула. Да, с этим надо будет что-то делать. Совершенно очевидно, что, если вы не хотите с мужчиной разговаривать и целоваться, ваши отношения дали трещину. Оставалось только понять, как все это далеко зашло и есть ли смысл возникшую трещину латать.

– Где статья про твои чертовы гостиницы? – подлетела ко мне начальница отдела как раз в тот момент, когда я старательно выводила название еще не рожденного опуса. Клавиши были словно ватными, а слова застревали в голове, так и не вылупляясь в членораздельные предложения. Страстно хотелось включить пасьянс.

– Все почти готово. Сейчас проверю и вышлю, – как можно более твердо продекламировала я, глядя на начальницу честными глазами.

Господи, как же я устала. Откуда я знаю, что написать об этих гостиницах. Кто вообще утвердил такую тему, ведь я же просто к слову ляпнула на совещании: «Давайте напишем о том, где можно в Москве останавливаться, а где нет. И почему».

– Чтобы через час статья была у программистов, – отрезала начальница и вылетела из кабинета, где тянули журналистскую лямку я и еще трое таких же бедолаг.

Я вздохнула, закрыла пустое вордовское окно и отправилась к кофейному автомату. Если честно, то сейчас я бы лучше написала что-нибудь на тему отношений. Что это вообще за штука такая – отношения? Когда они начинаются? В тот момент, когда ты оставила у НЕГО дома зубную щетку или, скажем, согласилась присматривать за ЕГО цветами, пока он с друзьями катается на лыжах? Или когда ОН у тебя дома спокойно перешагивает через твой свитер, валяющийся на полу, сам находит свою любимую чашку в куче грязной посуды и тебя это уже не заставляет краснеть? Наши отношения с Сашей именно такие. И еще – нам очень уютно вместе, по крайней мере, так было до недавнего времени. У нас одни и те же интересы, одна и та же работа, одна и та же жизнь. Мы говорим на одном языке. У нас даже одно имя на двоих. Мы – Саши. В этом-то и проблема. Как можно взять и все бросить? Как я вообще смею его не любить?!

Мы встречались уже больше года. Он хорошо относился ко мне, а я также хорошо относилась к нему. Мы были знакомы с родителями друг друга, за это время много раз пересекались линии наших родственных орбит. Я не водила машину, он подвозил меня к маме. Я по его просьбе несколько раз покупала его маме какие-то лекарства. А она в знак благодарности брала к себе Шушера, когда мы с Сашей улетали в Египет на две недели, потому что у моего папы аллергия на Шушера. Причем не на кошек вообще, а именно на мою кошку. Они с папой не сошлись характерами.

Самым ужасным было то, что обе стороны нас всецело одобряли. Нет, не потому, что мы так уж сильно им нравились. Просто... мне было двадцать восемь, ему тридцать два. Каждый из нас жил в своей квартире, у меня была Шушера, у него – плазменный телевизор. Родители страшно боялись, что мы застрянем в этом навсегда. Я с кошкой, он с телевизором. У них были на нас другие планы. Саша, Сашенька и куча маленьких внучат. А я теперь всех должна разочаровать.

Глоток бодрящего напитка меня немного встряхнул, но работа все равно не клеилась.

– Саш, слушай, а ты знаешь, что от кофе портится цвет лица? – спросила Тоська, еще одна коллега по перу. Хотя какие перья, если мы руками писать уже разучились. Стучим, стучим по клавишам.

– Ну, допустим, – кивнула я, обреченно глядя в экран. Что там с моей статьей? В общей сложности, с предложениями, слов двадцать. Из них четыре – название: «Самые опасные гостиницы Москвы».

– А как ты думаешь, от фанты портится?

– Что?

– Ну, цвет.

– Цвет чего? – Я плохо следила за нитью разговора, наблюдая, как за столом у окна с оживленным видом что-то пишет Саша. Симпатичный, между прочим, парень. Чего мне не хватает? Может, я холостяк?

– Лица! Сашка, ты слушаешь?

– Ах да. Извини. Лицо? Чье лицо?

– Любое. Я хочу написать, что фанта тоже портит цвет лица. Как думаешь, это интересно?

– Думаю, это может быть правдой. Но если даже и так, нас потом затаскают по судам.

Напиши-ка лучше о женщинах-холостячках, – рассеянно прокомментировала я, вбивая в компьютер описание воображаемой гостиницы, где, по отзывам постояльцев, за отдельную плату можно переспать с любым сотрудником персонала.

– О каких холостяках? – не поняла Тоська.

– Ну, о таких женщинах, у которых психологический барьер перед отношениями. И они рано или поздно обязательно их разрывают, – пояснила я, попутно стирая про секс с сотрудниками. Это все-таки было уже слишком. Я подумала, пожала плечами и написала, что в Москве есть такие гостиницы, где в каждом номере установлены скрытые камеры. Название – «Виртуальные реалити-шоу в гостиницах Москвы». А что, кажется, вполне подходящее. Цепляет. Дальше можно перечислить десять способов, как не попасть в подобную гостиницу.

– А что, такие женщины бывают? – с сомнением переспросила она.

– Какие?

– Холостяки.

– А почему нет? – удивилась я. – Утрированно, это те самые женщины, которые убегают из-под венца. Ты что, не смотрела фильм с Джулией Робертс?

– Это все голливудские сказки. У нас в России такого не бывает, – категорически возразила мне она. Я не стала спорить и доказывать, что перед ней стоит (вернее, сидит) типичный представитель этой породы. И что в моей жизни было много отношений разной степени серьезности. Но никогда и ничто не могло заполнить меня целиком. Так уж получилось.

– А ты напиши, что желание быть независимой – самая современная тенденция среди жительниц мегаполисов.

– О, я напишу про социологическое исследование, – наконец-то ухватила она тему. И хоть сама Тоська ни секунды не верила в то, о чем я ей говорила, через полчаса она уже настрочила заметку про возрастающее число женщин, стремящихся к свободной одинокой жизни в большом городе. А я как раз закончила сочинять про подпольные съемки в гостиницах.

– Ну, вот! Вот! Можешь же, когда захочешь. Александра, имей в виду, у меня на тебя большие планы, – радовалась начальница, читая всю эту невообразимую чушь с невозмутимым видом. – «...Ни о чем не подозревающие романтические парочки могут стать объектом видеосъемки, а в дальнейшем эти материалы будут предметом подпольной торговли»! Отлично, с перчинкой. Молодец.

– Спасибо, Марина Денисовна, – флегматично кивнула я. Да, работа есть работа. И моя ничуть не более идиотская, чем любая другая. Зато завтра на карточку переведут зарплату, я

пойду и куплю себе новую юбочку в торговом центре. Нет, я куплю себе ее после майских, когда будет распродажа.

Я села на свой стул, откинулась назад, вытянула ноги и принялась мечтать. Послезавтра Первое мая, мы поедem к родителям, папа займется шашлыками, мама сварит кисель с вишней. Сашка будет слушать папины истории про его молодость... стоп! Я же собралась расстаться с Сашкой. Вот вам и пожалуйста – первая проблема. А я уверена, что хочу с ним расставаться? Ну, подумаешь, не взяла трубку утром. А вчера... вчера я и вправду плохо себя чувствовала и устала (не ври хоть себе).

– Ну и что! – громко сказала я, не заметив, что начальница все еще что-то вещает мне про мою статью.

– Что-что? – оторопела она. – Ты не будешь писать для желтых? Не хочешь? Я могу отдать заказ Таисье.

– Ой, нет-нет. Это я не о том. Я хотела сказать. Ну и что же так мало. Давайте я напишу побольше!

– Больше пяти статей за майские? – смутилась она.

Я поняла, что, пока думала о своем, пропустила многое. И что дальше мне, пожалуй, лучше помолчать. И послушать, что говорит любимая начальница Марина Денисовна, женщина из некрасовской саги. Наша Мари и коня на скаку, и в горящую избу, и сама кого хошь подпалит. У нее дома двое малолетних детей и муж, испытывающий временные трудности последние десять лет.

– Спасибо за доверие. Я все сделаю, – пообещала я, подумав с горечью, что теперь все праздники просижу за ноутбуком. Зато будут деньги, что тоже немаловажно.

Весь остаток дня я билась над все тем же неожиданно возникшим вопросом: что мне все-таки делать с моими отношениями? Какая досада, что они перестали меня устраивать. А как все хорошо начиналось. Кажется, это был прошлый март. Саша пришел в нашу компанию и сразу как-то удивительно удачно вписался в наш коллектив. И в мою жизнь. Сначала мы курили в коридоре и болтали ни о чем. Потом пару раз целовались в кинотеатрах, игнорируя происходящее на экране. Потом выяснили, что живем в нескольких троллейбусных остановках друг от друга. И, наконец, однажды, после долгой романтической прогулки по Москве, мы дошли до его дома, прятавшегося в глубине Марьиной Рощи, и Саша уговорил меня остаться. И я осталась, с трудом заснув на непривычном месте.

У него в квартире было много шнуров, протянутых по полу. Самодельный домашний кинотеатр грохотал так, что я подпрыгивала в кресле. Саша всегда балдел от техники. А я тогда балдела от него. Была ли это любовь? Наверное, да. Почему бы и нет. Кто вообще может с уверенностью сказать, что такое любовь.

– Тось, вот как ты поняла, что любишь мужа? – спросила я, не зная, чем еще занять время до конца рабочего дня. Она решила, что я готовлю материал для очередной статьи, и задумалась.

– Наверное, когда залетела.

– Ты поняла, что любишь мужа, когда залетела? – нахмурилась я. – Это причина или следствие?

– Черт его знает. Но в тот момент до меня дошло, что все очень и очень серьезно.

– Еще бы! – усмехнулась я и покосилась на Сашу. Поскольку я решила его оставить, то теперь испытывала странное чувство то ли жалости, то ли сочувствия. В конце концов, ведь и со мной такое случалось, меня тоже оставляли. Почти каждую весну я в кого-то влюблялась, и так или иначе все это заканчивалось в свое время. По разным причинам и разными способами. Саша поймал мой взгляд и ласково, немного рассеянно улыбнулся. Он был чем-то занят и не думал обо мне. Он был во мне уверен, знал, что у нас все хорошо. Что сегодня мы вместе уедем с работы, а потом, в выходные, вместе отправимся на дачу к моим родителям. Я представила,

что прямо сегодня прохожу стадию невыносимого болезненного объяснения и потом тащусь на дачу сама. На длинной зеленой пригородной электричке плюс сорок минут пешком через лес. На спине рюкзак и по сумке в каждой руке. Желание расставаться пропало моментально. Нет уж, лучше я пойду на сделку с совестью. Буду слушать его разговоры про самое идеальное время отдыха в Египте, интересоваться работой его новой плазмы или еще какой-нибудь ерунды, но доберусь до родительской фазенды на его «КИА». И потом, если я расстанусь с ним сейчас, то все выходные мои родители будут пилить меня и причитать, что я обрекаю их на одинокую старость. Особенно папа. Он примется долго и громогласно клеймить современных молодых женщин и «весь этот феминизм», и чем крепче будет градус выпитого, тем громогласнее он станет меня пилить. В результате, о том, что я опять одна, узнают все соседи. Нет, надо потерпеть. А потом...

Расставание – всегда неприятно. Я с усилием подавила в себе желание закончить все дело одной эсэмэской. Со мной однажды, кстати, так и поступили. Я получила SMS со словами «давай расстанемся друзьями» и потом рыдала над этими тремя словами три дня. И даже ответила на них, написала, что с друзьями так не поступают. Им не посылают такие SMS. Он не ответил, потому что в ту минуту, видимо, уже считал себя свободным. Тогда я пообещала себе, что никому и никогда не пошлю подобной эсэмэски. Хотя все-таки очень такой способ удобен. Итак, не SMS. И не на праздники. Скорее даже после десятого, чтобы уж и День Победы тоже минул. Как раз именно за этими, циничными, надо признать, рассуждениями Саша меня и застал.

– Ну что, ты как? Готова? Закончила?

– Почти да, – кивнула я, испытав страстное желание послать его к черту прямо сейчас. Почему, почему я такая сучка? И всегда ли я была такой? Между нами висела тугая противная недоговоренность, причем я знала о ней, а он нет, и от этого я казалась себе еще гаже.

– Я подожду тебя в машине. Мне тут один диск подогнали, хорошая музыка. Я тебе потом перепишу, если захочешь.

– Ага. Слушай, может, ты поедешь без меня? Мне тут подкинули пару статей левых.

– Здорово. Так, может, мне тоже задержаться?

– Нет-нет, не стоит! Я не хочу дергаться из-за того, что ты меня ждешь, – заюлила я. Он был хорошим парнем, но так уж вышло, что эту партию выигрывала я. И я уже понимала, предчувствовала, как ему будет больно и обидно. Даже больше обидно, чем больно, потому что все-таки очень важно, кто кого бросает. Не так ли? Когда бросают нас, мы не только теряем отношения, но и львиную долю уверенности в себе, которую потом приходится долго и мучительно восстанавливать. По крупницам. Когда мы успеваем бросить кого-то первыми, чувства совсем другие. Тогда мы победители. Только если я брошу Сашу, как я потом буду с ним работать. Тоже, кстати, серьезный вопрос. Надеюсь, мы сможем остаться друзьями. На самом деле я была бы очень рада.

– Ну, ладно. Просто я думал тебя подбросить. Устроить что-то вечером, – разочарованно бормотал он. – Я мог бы остаться у тебя, а завтра бы вместе поехали на работу.

– Я в первой половине дня буду дома, – быстро соврала я. Нет, логика – логикой, а когда решение уже принято, практически невозможно долго делать вид, что все в порядке. Это выше моих сил. Я проигнорировала все знаки недовольства с его стороны, подождала, пока он уедет домой (предусмотрительно проследив из окна, что его машина действительно выехала с парковки), посидела, тупо перепрыгивая со ссылки на ссылку в Интернете, и пошла домой. Никакие муки совести не могли уменьшить моей радости оттого, что я иду домой одна, иду по моему любимому городу, пусть даже и запруженному всеми этими кредитными машинами, льющимися тягучим киселем по знакомым улицам. Я зашла в маленький магазинчик, где продавали пиратское видео, и начала перебирать лежащие на прилавке диски.

– Вы ищете что-то конкретное? – с готовностью подлетел ко мне продавец.

– Нет-нет, так, присматриваюсь, – сказала я как можно холоднее, чтобы он от меня отстал. На самом деле покупать я ничего не собиралась, но мне нравилось разглядывать цветные картинки на дисках, читать аннотации к фильмам. И я хотела делать это в одиночестве. Одиночество – не только некий комплекс психологических переживаний человека, оставленного без социальной поддержки, но и огромное преимущество. Да, мы социальные существа, но одиночество дает так много, что трудно его переоценить. Как говорила Румянцева: хочу – халву ем, хочу – пряники? Я хотела стоять в одиночестве и рассматривать диски, которые были мне не нужны. Имею право?

– Хотите, я вам порекомендую что-нибудь? Вот есть чудесная романтическая комедия, – не унимался он. – О том, как мужик проснулся, а у него трое детей. И жена.

– Какой ужас, – передернуло меня. – Нет, спасибо. А есть что-то другое, ну... без троих детей?

– О, конечно, – улыбнулся он и выложил передо мной кучу дисков. В результате я, конечно же, накупила каких-то боевиков, которые на самом деле терпеть не могу. Я подумала было, что подарю их все Сашке, чтобы он смотрел их на своей плазме, но тут же вспомнила, что уже решила бросить Сашку. Вряд ли стоит перед этим дарить ему диски. Последняя мысль расстроила меня окончательно, потому что я со всей отчетливостью поняла, как сильно я к нему привыкла, привязалась. Не люблю больше, но привязалась. Зачем?

Шушера встретила меня возмущенными воплями. Оказывается, у нее давно кончилась вода, и ей пришлось, как какой-то простолюдинке, пить воду из тарелки в раковине, чего она терпеть не может. Ей, настоящей персидской серой дымчатой кошке, с родословной, которая висит в рамочке у меня над письменным столом, – и пить воду из-под крана. Только не подумайте, что я сошла с ума и разговариваю с ворчливой кошкой. Просто Шушера умеет одним поворотом хвоста высказать все то презрение и недовольство, которое она к вам испытывает. У нее исключительно красноречивый хвост. Я поставила миску с кормом на пол и налила воды.

«Тут я есть не буду!» – дала понять мне Шушера, с презрительным видом пройдя мимо своего места на полу. Она вспрыгнула на подоконник и с вполне понятным ожиданием уставилась на меня.

– Знаешь, дорогая, мне кажется, что я тебя балую! – возмутилась я, ставя ее миску на подоконник. – Чего бы тебе не пожрать на полу, как все кошки.

«Сама ешь на полу, если тебе хочется». – Она отвернулась, прошла мимо еды, сделав маленький променад по окну, осмотрела окрестности. Что там поделявается в мире за стеклом? Уже стемнело? И даже звезды? Ах, какая красота.

– Давай ешь и не кобенься, – потребовала я, пододвигая к ней миску.

Мы с Шушерой жили вместе семь лет. Без всякого сомнения можно сказать, что это были мои самые прочные отношения за всю жизнь. Вопрос – почему? Может, мне попадались не те мужчины. Или у меня слишком хорошая кошка. Я залезла на широкий подоконник и села с ней рядом. За окном светила полная луна. Она висела в небе, как фонарь. Сейчас делают такие лампы, белые-белые, энергосберегающие, дающие очень холодный свет. А здесь энергосберегающая луна. И звезды, мелькающие то тут, то там из-за облаков. Впрочем, звезд я почти не видела, слишком ярко горел огнями проспект Мира со своей рекламой и машинами. Я жила на восьмом этаже, последнем, в старой сталинке. И безумно любила свой дом.

– Вот и снова будем мы одни. Только я и ты, – пожаловалась я.

Шушера с удивлением посмотрела на меня, словно хотела спросить: «А что, сейчас что-то не так?»

– Ладно, это неважно. Ну ее, эту любовь. Видимо, ее нет на свете. Вернее, не так. Она есть, но только первые пару месяцев. Помнишь, как Саша мне розовый букет под дверь положил, а я наступила на него босой ногой и ногу распорол? А он потом мне ее бинтовал. Было очень даже романтично. Он так убивался, а я его утешала, утешала. Почему все всегда заканчивается?

Кошка молча смотрела в окно. Она была прекрасна. Я откинулась чуть назад и тоже подняла глаза к небу.

Хотела бы я встретить настоящую любовь. Только что это за зверь такой, почему его никто не видел? Чтобы долго и счастливо и потом на тот свет в один день. И как это должно, кстати, технически произойти? Авиакатастрофа, что ли? Так тогда не только мы в один день, но и еще человек сто-двести. Нет, так не пойдет. Суицид? Но я же хочу жить долго!

– Ой, ты видела? – неожиданно дернулась я.

Прямо перед моими глазами медленно, как в кино, очень яркая звезда спланировала к горизонту. Я зажмурилась и торопливо загадала желание. То самое, что было у меня в голове в тот момент, – чтобы жить с НИМ долго и счастливо и умереть в один день. Глупость какая, с кем – с НИМ? А потом я открыла глаза и увидела, как у моей падающей звезды вдруг замигали красные огоньки. Посадочные маячки. Тоже мне звезда!

– Самолет! – хихикнула я. – Видишь, Шушера, какая у тебя глупая все-таки хозяйка. А если бы это и вправду была звезда? Получается, что я даже не додумалась загадать себе чего-то приличного. Любовь, понимаешь. Я тут не знаю, как с одной-то разделаться, а уже о другой мечтаю. Лучше бы я себе отпуск загадала в Египте. Без никого. Или чтобы мы с тобой поехали на Алтай. Ты хочешь на Алтай, Шушка?

Глава 2

Какая-то ненормальная!

Моя жизнь пуста и бессмысленна, но она мне нравится. А это уже немало, думается мне. Я не из тех, кто помешан на поисках смысла жизни. По мне, так он в том, чтобы поскорее началось лето, а то на майские чуть ли не снег обещали. И ведь не ошиблись, вороги. Когда мы с Сашкой добрались до папиной избушки (без курьих ножек, а просто на деревянных столбиках), небо заволочло тучами, поднялся противный ледяной ветер и сверху посыпалась мокрая белая крупа.

– Вот ведь, блин! – вырвалось у Саши, и «дворники» его машины часто-часто засеменили по лобовому стеклу. – Лучше б мы дома остались.

– Это точно, – согласилась с ним я, стараясь не смотреть в окно. Я бы однозначно предпочла остаться дома, причем так, чтобы он у себя, а я у себя. Выходные прошли бы куда удачнее. Даже кошка возмущенно вопила в дорожной сумке, отказываясь дышать свежим воздухом. И только мой папа, как всегда, сиял улыбкой неисправимого оптимиста. Он был уверен, что у природы нет плохой погоды, если есть хорошая телогрейка и кирзовые сапоги.

– О, а вот и наша молодежь подтянулась! – радостно развел руками он и расхохотался, глядя на то, как мы вылезаем из машины, полные сомнений и тревог. – Давайте-ка подтягивайтесь. Сейчас будем разжигать мангал.

– Вам помочь? – из чистой вежливости поинтересовался Саша, надеясь, что после прошлого раза мой папа поостережется его просить о чем-либо.

Я перепрыгнула лужу и предусмотрительно шмыгнула в дом. В прошлый раз, осенью, Саша так сильно ливанул жидкости для растопки на огонь, что бутылка у него в руках вспыхнула и взорвалась. Саша выбросил ее в огород и долго прыгал на месте и орал, что он горит, а мы бегали вокруг и не знали, что делать. Надеюсь, сегодня все обойдется. Что же касается меня, то от картины туч наверху и непроходимой грязи и луж внизу я сразу же почувствовала себя совершенно больной. Я нашла свое старое любимое одеяло, огромную колючую верблюжку, залезла на диван, захватив с собой старую, зачитанную до дыр книжку про каких-то героических революционеров, и буквально через двадцать минут уже спала чистым невинным сном. Свежий воздух, верблюжка, теплые носки, папин гулкий хохот за окном. Плюс героические революционеры и мерное постукивание капель (или крошек, как сказать?) по металлической крыше. В общем, от такого коктейля кто хочешь уснет, а уж я и подавно.

– Ба, а кулема-то наша задрхла! – сквозь сладкую дрему услышала я. Кажется, на этот счет мои родные отпустили еще немало шуток, но я спала, и мне не было до них никакого дела. Проснулась я только к застолью, через два или три часа, когда мама уже суетливо накрывала на стол, стараясь сильно не шуметь, чтобы не разбудить меня, но при этом так, чтобы я все-таки проснулась.

– Ой, мам, ты тут? А я заснула, – потянулась я.

– Мы уж поняли. Оставила своего кавалера и храпеть. Кто ж так делает?

– Я делаю, – невозмутимо пожалала плечами я.

– Ну и бросит он тебя, – фыркнула она. – Мужчине нужно внимание. А ты опять за своих революционеров хватаешься. Сто раз ведь читала.

– Ну и что. И пусть бросает, – улыбнулась я, не высывая из-под верблюжки ничего, кроме носа.

– Что? – повернулась ко мне мама. – Ты так легко об этом говоришь? Уж не задумала ли чего?

– Например, чего? – нахмурилась я. – Мам, это моя личная жизнь.

– Нет, не твоя личная. Это остаток моей общественной. Ты что же только о себе и думаешь? Надо было мне родить побольше детей, но кто ж знал, что ты у меня такая беспутная вырастешь. Тебе двадцать восемь лет, некоторые к твоим годам уже по двое детей имеют, а ты...

– Вот именно, мам, по двое детей и по два развода. Не надо, пожалуйста. Не готова я к семье. На Западе, между прочим, в моем возрасте...

– Мы не на Западе, – возмутилась она. – Не готова она, понимаешь ли. Да ты и не будешь готова. Не надо к этому готовиться.

– Ты считаешь? – усомнилась я. – А что, если я жду большой любви? Настоящей?

– А Саша, по-твоему, игрушечный? – быстро пробормотала мама, потому что как раз в этот момент к нам пришли мужики. И тема, естественно, поменялась. Они принесли с собой целую кучу невероятно вкусно пахнущего жареного мяса. Все моментально пропиталось ароматом дыма, смеха и веселья, было так хорошо, что не хотелось даже есть. Но все, конечно же, ели. И ели много, гораздо больше, чем допускает совесть, диетология или папин терапевт.

– Живы будем – не помрем! Мы, когда в Карелии отдыхали, однажды целого оленя схомчили – и ничего, как новенькие. А тут вообще на один зуб, – балагурил папа.

А я знала, что завтра он запоет иначе, но сейчас не время было напоминать ему о здоровье. Зачем портить человеку выходной? После нескольких рюмок разговор переметнулся на политику, на историю и спорт. Папа громогласно клеймил позором сегодняшнюю власть, а Саша аккуратно напоминал ему о репрессиях Сталина. И оба бурно обсуждали причинно-следственные связи, приведшие нас к поражению в Цусиме. Кажется, на свете нет ни одного мужчины, который бы не разбирался в этом. Что ж, главное – им было хорошо. Мне, собственно говоря, тоже. Я сидела в кругу любимых, близких мне людей. Жаль, что нельзя оставить Сашу папе, чтобы они и дальше дружили. Вон им как славно друг с другом. И не скучно. Почему в самом деле, если я с Сашей расстанусь, все остальные тоже должны перестать с ним общаться? Может, предложить изменить эту традицию? Я понимала, что глупо так размышлять... Но ничего не могла с собой поделать.

Наутро я проснулась рано, потому что вокруг было слишком тихо, только лаяли собаки, и кукарекали петухи. В городе я усну, даже если под окном одновременно начнут выть три автомобильные сирены. Хотя нет, три – многовато. Но крик петуха в полной тишине – это просто взрыв для привыкшего к городскому шуму мозга.

Естественно, вскочив в шесть утра, к обеду я уже решительно не знала, чем себя занять. Я дочитала про революционеров. Они опять победили, так что в этом смысле все осталось без изменений. А я больше так и не уснула. Шушеры не было, она ушла в загул, и, по практике, раньше завтрашнего утра ее ждать не стоило. Она решала вопрос личного счастья гораздо рациональнее меня и не мучилась вопросом, хорошо или плохо поступает. Потом мы позавтракали, я лопала хлеб с маслом, мамины блины с вареньем и пыталась убедить себя, что на воздухе действительно не толстеют, потому что обмен веществ происходит быстрее. Надо, кстати, будет написать статью: «Дыхательная практика и похудение – мифы и реальность». Потом я вспомнила, что должна написать левые статьи для одной желтой газетенки, и загрустила, потому что ноутбук-то я как раз предусмотрительно забыла. Что ж, значит, придется дописывать статьи завтра ночью. Все пять. Ерунда, не впервой, тем более что их потом будут править и все равно заставят десять раз переписать. Так что первый вариант, считай, пробный.

– Чем занимаешься? – спросил Саша, просунув голову в дверь. Они с папой собирались на рыбалку, я, честно говоря, думала, что они уже ушли. Рыбу же, кажется, ловят с утра. Но папе плевать на рыбу, ему просто хочется посидеть на берегу и поговорить с умным человеком – с самим собой. Да еще чтобы кто-то, к примеру, Саша, все это послушал. А для разговоров любое время подходящее, верно?

– Я... да не знаю, – от неожиданности растерялась я. – Думаю пойти погулять. Погода-то наладилась.

– Да, сегодня прямо совсем другое дело.

– Ага, только холодно, – кивнула я и с извращенным садизмом отметила, что теперь мы еще и о погоде говорим, потому что говорить-то нам на самом деле не о чем.

– А ты оденься потеплее. Может, пойдешь с нами?

– Нет-нет, – поспешно бросила я. – Я позже пойду. Я пока тут... тут собиралась маме помочь.

– А, ну ладно, – он не стал настаивать и вышел.

Мама, которая как раз готовилась к тому, чтобы перестирывать постельное белье после зимы, с глухим неудовольствием посмотрела мне в глаза. Меня передернуло.

– Мам, не надо, а?

– И что, ты будешь мне помогать? – усмехнулась она.

Я пожала плечами.

– А зачем его перестирывать? – в который раз спросила я, потому что действительно не понимала этого. Белье было совсем даже не грязное, мама всегда стирала его перед зимой.

– Оно отсыревает, – невозмутимо отвечала она на мои «зачем?» и «на кой черт?».

– Тогда его достаточно просушить, – снова попыталась внести рацпредложение я, но мама была глуха к голосу разума. Особенно если этот разум – мой.

– Ладно, не надо мне помогать. Только под ногами будешь крутиться.

– Вот спасибо, мамочка, ты – золото!

– Иди-иди, гуляй. Нет, ну чем тебе Саша-то не угодил? – пробормотала она себе под нос, вытаскивая очередную стопку белья из шкафчика. Ну что я могла ей сказать, если я и сама мало чего понимала.

Я надела старый мужской свитер, связанный еще моей бабушкой в дни папиной юности. Очень старый, много раз порванный и заляпанный, но невероятно теплый свитер.

Почему-то на даче вы можете одеваться как пугало, не умываться, не причесываться и не делать маникюр, и это смотрится достаточно органично, особенно в сочетании с драной курткой и резиновыми сапогами. А вот если пройтись по лесу в лакированных туфлях и шелковом платье, будешь выглядеть совершенно неуместно. Я вышла из дому в очень уместном наряде, не без удовольствия наступая резиновым сапогом в каждую лужу, и отправилась в сторону станции. Там есть магазин, в котором можно купить самый простой товар: пачку сигарет, бутылку пива или пакет сока. Ничего из вышеперечисленного не было мне нужно. Даже сигареты у меня имелись в избытке, да и я сильно сомневалась, что в продуктовой палатке на станции в ста километрах от Москвы найдется голубой «Vogue».

Однако всякая прогулка должна иметь какую-то цель, какую-то точку назначения, иначе непонятно, зачем вообще куда-то идти. У нас на даче этих точек назначения было две – речка и магазин на станции. Если бы не папа с Сашей, я бы пошла на речку. Там можно посидеть на бревне, бывшем когда-то старым дубом, посмотреть вдаль, на излучину реки, и помечтать о чем-то пушистом и малопонятном. Туда, к реке, вела тропинка по очень красивому полю. Но там был Саша, поэтому я отправилась на станцию. Мне не хотелось с ним говорить, смотреть ему в глаза, уклоняться от его навязчивых ласк. Была ли это судьба? Нет, не думаю. Во всяком случае, ничего подобного я в тот момент не чувствовала и не предчувствовала. Я держала в кармане джинсов сто рублей, чтобы купить себе джина с тоником и чего-нибудь пожевать, если захочется, лениво перебирала резиновыми сапогами по песчаной дорожке, периодически отмахиваясь от маленьких, только что народившихся комаров. Вокруг меня высились строгие аристократические сосны, а малиновые кусты зеленели молодой листвой. Да, как я потом много раз вспоминала, было очень красиво. Но тогда я этого особенно не замечала, а просто радовалась тому, что тучи ушли, а солнышко осталось, что нет ветра и что я забыла дома ноут-

бук. Момент был самый обычный, я бы даже сказала, самый не подходящий для того, чтобы встретить ЕГО. Но по какой-то нелепой жизненной случайности, а может быть, для смеха, это все-таки произошло.

Он стоял под сосной и смотрел на меня пристально и сосредоточенно, без тени улыбки. Я вообще не сразу поняла, человек передо мной или просто тень. Было довольно далеко, да к тому же светило яркое солнце. Я знала это место, оттуда расходились две дороги. Одна на станцию, а другая в соседнюю деревню.

Итак, справа, под сосной, стоял и смотрел на меня он. Сначала я подумала, что это кто-то из местных, но этот «кто-то» так отчетливо смотрел именно на меня, так явно ждал, чтобы я подошла, что мне стало не по себе. Я против воли замедлила шаг, понимая, что, хоть и не накрашенная, и в старой папиной страшной куртке (о свитере я вообще молчу), я вполне могу оказаться жертвой какого-нибудь насильника. Или даже убийцы. Украдет мои сто рублей, а меня убьет. А что? Имелись случаи. Память услужливо подбросила мне названия моих же собственных опусов «Маньяк прячется в калужских лесах» и еще почему-то «Девушка не помнит, где провела ночь, но уверена, что ее украли инопланетяне». Кстати, отличная была заметка. До сих пор болтается на разных порталах. Хорошо, что в Интернете не надо подписываться.

В общем, я испугалась, в лесу было пусто, ни души. Я пожалела, что не пошла на речку, а еще больше – что так и не завела себе газовый баллончик.

– Извините, пожалуйста! Извините! – прокричал вдруг он, размахивая рукой.

Я сделала вид, что ничего не слышу, отвела глаза и остановилась. Видимо, в тот момент по моему поведению он понял, что я сама не подойду, и рванул ко мне. Сердце ушло в пятки, и я в панике огляделась в поисках какого-нибудь орудия самообороны. Подходящей палки-копалки в моем поле зрения не оказалось.

– Можно вас на секундочку? – задыхаясь, на бегу кричал он, пытаясь меня догнать. Я, естественно, драпала, как могла. – Да подождите же вы!

– Отстаньте, я кричу! – пригрозила я и еще больше ускорила шаг. Оглядываться мне не хотелось. Что-то в его голосе смутно тревожило меня, но что именно, я выяснять не желала.

– Да остановитесь, что ж такое. Мне что, вас ловить? – Тут он все-таки изловчился и, нагнав меня, схватил за руку.

– Вы что – маньяк? – взвизгнула я, вывернувшись и всерьез приготовившись продать свою жизнь (или честь, как пойдет) подороже.

– В каком смысле? – удивился незнакомец и посмотрел на меня так удивленно, что я в ту же секунду поняла, что никакой он не маньяк. А жаль. То есть... нет-нет, не подумайте ничего плохого. Просто... он был хорош. Не могу сказать, чтобы он показался мне красавцем. Ничего такого, что обычно размещают на обложках глянцевого журналов. Но он был хорош, против этого не попрешь.

– В прямом. Что вам надо? – выпалила я по инерции. Сама же уставилась на него, как на ярмарочного медведя. В голове билась птицей одна мысль: почему я в этой чертовой куртке? Вернее, сначала мысль была другая – ну и мужик, и где только таких делают?! А потом уже куртка (и резиновые сапоги) заполнила все мое подсознание ужасом и презрением к себе.

– Мне? – чуть заторможенно переспросил он, с некоторым изумлением глядя на меня. – Я хотел узнать дорогу. Мне нужно попасть на станцию.

– На станцию? – глупо переспросила я, улыбнувшись. – Направо.

– Спасибо, – кивнул он, чуть отдышавшись. – Вы извините, но я тут уже минут пятнадцать стою, жду. И никого. Я просто не мог допустить, чтобы вы ушли. Подождите, а вы что подумали?

– Да нет, ничего.

– Что я грабитель?

– Ну, что-то в этом роде, – с готовностью согласилась я. – И хотя у меня с собой всего сто рублей, я подумала, что вы-то можете об этом и не знать.

– Вот ведь как неудобно получилось. Я вас напугал. Если бы я знал, что вы девушка, я бы не стал, конечно, так себя вести, – с простодушием, потрясшим меня до глубины души, сообщил мне он. – Я вообще-то девушек не пугаю.

– То есть что значит, если б вы знали, что я – девушка. А я – кто?

– Ну... просто... в этой куртке, сапогах. Я думал, рабочий с какой-то стройки. Ну... гастарбайтер, что ли. Вот я и побежал, – радостно пояснил он.

Я расхохоталась. Нет, такого со мной еще точно не было никогда. Значит, пока я тут тряслась от страха, меня приняли за чернорабочего. А чего ты, дорогуша моя, хотела, если ходишь по лесу нечесаная, в папиной куртке пятидесятого размера и резиновых сапогах по колено. Как тебя отличать, если ты с ними, гастарбайтерами, и в самом деле на одно лицо.

– Н-да, не повезло вам. А я – не гастарбайтер.

– Вы не сердитесь? Я не специально. Просто я знаю, что тут до станции далеко, и очень не хотелось уйти не туда.

– Я не сержусь. Я, собственно, в том же направлении и иду. Хотите, я вас провожу? Нам ведь все равно по пути. – Я говорила быстро, скороговоркой, стараясь придать своему предложению самый невинный характер. Действительно, почему бы и нет. Я гуляю, он не маньяк, и ему надо показать дорогу. Ничего такого, честное слово. Или нет? Я и сама не понимала, что делаю, что творю и зачем мне все это надо.

Был ли он симпатичным? Даже этого я не могу сказать с уверенностью, потому что с того момента, как я обернулась и увидела его улыбающиеся, немного растерянные глаза, я не замечала больше ничего. Только глаза и еще, наверное, его улыбку. Но думаю, что да, можно сказать, что он выглядел очень даже ничего. Высокий, ростом с моего папу, так что ему бы в самый раз подошла куртка, в которую была замотана я. Одет обычно, в светло-голубые джинсы, тонкий пуловер и ветровку бежевого цвета. В руках простая черная сумка, на ногах кроссовки. Что еще? У него была замечательная улыбка. Невероятная.

– А вас это не затруднит? – забеспокоился он.

Я же, глядя на него, как кролик на удава, только замотала головой. Со всей ответственностью могу сказать, что никогда в моей жизни ни один человек не вызывал во мне таких сильных чувств и так сразу, в один момент. Если на свете и существует любовь с первого взгляда, то это была именно она. Хотя под словом «любовь» я всегда подразумевала совсем другие вещи. Взаимопонимание. Симпатия. Общие интересы. Времяпрепровождение. Приятные дела. Тут же таилось что-то другое, и хоть я и не понимала, что конкретно, ясно было одно – моя голова не имела к происходящему никакого отношения. А вот тело – оно реагировало на моего незнакомца совершенно невероятным образом. И бороться с этим не было никакой возможности.

– Нет-нет, что вы, – заверила его я.

Какое-то время мы шли молча, изредка перебрасываясь смущенными взглядами. Затем я улыбнулась и остановилась на секунду.

– Давайте хоть познакомимся. Я – Саша. А вы?

– Ну, я и растяпа. – Он забавно всплеснул руками. – Все оттого, что я абсолютно не умею знакомиться с девушками. Если честно, я этого уже лет десять не делал.

– Да неужели! – с недоверием посмотрела на него я. – Что ж так?

– Ну... просто не нужно было, – пожал плечами он, сразу вызвав в моей продвинутой современной головке кучу неприятных вопросов. Он что, гей? Или импотент? Почему бы такому... м-м-м... невероятно интересному мужчине обходить стороной девушек, да еще десятилетиями?

– Так как вас зовут-то? – ухмыльнулась я. – Или это тайна?

– А, нет, конечно. Я – Константин. Очень приятно, – кивнул он и протянул мне руку.

Я робко пожала ее, чувствуя, как в каком-то бреду, что меня от одного прикосновения к его ладони словно током пронзило. С моим телом делалось что-то невообразимое. Гормоны?

– Мне тоже, – ответила я, попутно отметив, что голос у меня дрожит.

Все это было странно. Мне и раньше случалось знакомиться на улицах, в Москве такое вообще не редкость, хотя после двадцати пяти я старалась уже избегать подобных знакомств. Но в юности это случалось, и довольно часто. Потому я знаю, что действительно люди могут понравиться друг другу сразу, с первого взгляда, но чтобы вот так, чтобы дрожали колени, а мысли путались. Нет-нет, наверное, у меня температура, я заболела.

– А вы на станцию зачем? Вряд ли вы собрались куда-то ехать, – спросил он.

– Я гуляю. Здесь ужасно скучно. А на станции есть магазинчик, и я вроде как иду в него. Да. Может, куплю чего-нибудь.

– На сто рублей? – усмехнулся он. И осторожно скользнул по мне взглядом.

Я могла поклясться, что и с ним происходит примерно то же, что и со мной. Его и без того темные глаза потемнели еще больше, по лицу пробежала тень. Но, медленно проходя мимо сосен, говорили мы о ерунде.

– А что? Банку джин-тоники я бы купила. Только не подумайте, что я пью. А это вообще куртка моего отца. Просто так принято ходить на даче. Нынче, если позволите, такая дачная мода – ходить в самых старых и драных куртках, – дурачилась я, непроизвольно облизывая пересохшие губы. Станция становилась все ближе, и это была проблема.

– Вам очень идет, – шаловливо прокомментировал он, снова осторожно проведя по мне взглядом.

– Врать нехорошо, – поддела его я.

Мы засмеялись и одновременно, не сговариваясь, замолчали, глядя прямо в глаза друг другу. Через секунду он закашлялся и отвел взгляд.

– Знаете, а я теперь уже не жалею, что побежал за вами.

– Почему? – тихо спросила я, хотя его ответ был и так очевиден.

– Потому что я рад, что мы с вами познакомились. Вот так.

– И я. Я тоже рада, – серьезно ответила я.

Мы почти пришли. Бетонный перрон пустынной станции уже виднелся из-за поворота, и через несколько минут нам было положено кивнуть друг другу на прощание и расстаться. И от одной мысли об этом мне хотелось кричать.

Глава 3

Гори оно огнем!

Вне всякого сомнения, в свои двадцать восемь я была большая девочка в большом мире и за время своей сознательной взрослой жизни многое знала, пробовала и видела. И, конечно же, случалось, что я любила. И не один раз. «Была ли в вашей жизни настоящая любовь? Да, мэм, неоднократно!» Анекдот как раз про меня. Я влюблялась по уши и лила слезы, расставаясь с кем-то. Влюблялись и в меня. Порой я теряла голову, иногда сама сводила с ума. Все это – нормально. Чувствовать лихорадочное возбуждение, зная, что тот, кто тебе нравится, также равнодушен к тебе. Глядеться в любовь, как в зеркало, из которого на тебя смотрит красивая, молодая, уверенная в себе женщина, к тому же любимая. Честно говоря, меня такой ерундой было уже не удивить. Я видела любовь в разных вариантах, чувствовала все, что только можно почувствовать после пары десятков романов разной степени сложности и глубины. И, кстати говоря, я любила любить. И думала, что умею это делать после стольких-то лет практики.

А тут... я просто растерялась. Мы шли и болтали ни о чем, смеясь и мимолетно сталкиваясь острыми, настороженными взглядами, от которых меня обжигало, как огнем. Но, между тем, мы не флиртовали, не примеривались друг к другу, как к потенциальным сексуальным партнерам. Я бы даже сказала, что мы оба были смущены и немного подавлены. И оба не знали, что сказать.

– А вы здесь на даче? – спросил он, заполняя неловкую паузу.

– Да. Нет. То есть здесь дача моих родителей, – путано ответила я.

– Вот ваш магазин, да? Зайдемте? Вы, кажется, хотели что-то выпить?

– Нет. Я хотела купить что-то, если захочу. Но я не хочу, – медленно проговорила я, глядя в сторону перрона. Потихоньку на станцию подходили и другие отъезжающие, и это могло означать только одно – скоро придет электричка. Меня охватила паника.

– Может быть, купить вам что-то другое? – спросил он.

– Зачем? Если я захочу, я и сама куплю себе это.

– На сто рублей?

– На сто рублей. Здесь очень низкие цены, – пробормотала я, стремительно перебирая в голове варианты. Может быть, мне все померещилось? Может, будет правильным, чтобы этот, в общем-то, самый обычный симпатичный мужчина лет... сколько ему, кстати, лет? Лет тридцать пять – сорок? Может, правильно, чтобы он сейчас сел и уехал прочь, оставив меня в покое? Пройдет время, и я успокоюсь, иначе и быть не может, верно? Да, сейчас мне кажется, что я готова броситься бегом за его электричкой, но это же все как-то ненормально. Я знала его меньше часа. Если вообще уместно применить к моему случаю слово «знала»?

– А я все-таки хочу купить что-то очень симпатичной девушке в самой странной куртке на свете? – ухмыльнулся он.

– Давайте я вам ее подарю. А покупать мне ничего не надо, – я рассмеялась и помотала головой.

Мои слова не имели никакого значения. Значение имел только тот факт, что я готова была умереть от мысли, что он сейчас уедет. И совершенно не представляла, что с этим делать.

Мы прошли мимо магазина и поднялись на перрон. Не сомневаюсь, каждый из нас мучительно думал об одном и том же – как остаться, если для этого нет никакого повода. Не самая простая задача, а мой спутник явно не из тех, кто лихо умеет их решать. Как он сказал – я лет десять не знакомился с девушками? Нет, он не импотент. Ни в чем и никогда я не была так уверена, как в том, что передо мной абсолютно нормальный, интересный, как никто другой, привлекательный мужчина. Не гей. Ничего подобного.

Подошла электричка. Она остановилась и открыла двери. Это случилось слишком быстро, и вокруг нас тут же поднялась суeta, люди с тележками и рюкзаками запрыгивали в тамбур, а мы стояли и молчали. У меня не нашлось ни единого слова, чтобы остановить его. Что я могла сказать незнакомому мужчине, о котором ничего не знала, кроме того, что у него удивительные глаза, голос и улыбка? Крикнуть ему: не уезжай? Как вы себе это представляете? Я молчала и думала, что он уедет, а я пойду и куплю себе два джина. И лучше без тоника.

– Что ж, до свидания, – проговорил он, растерянно глядя на меня. Улыбки в тот момент на его лице уже не было. – Я очень рад, что мы познакомились. Очень.

– Не уезжайте. Оставайтесь. Это не последняя электричка, – серьезно сказала я, пристально посмотрев на него.

Прошло несколько секунд, которые тянулись мучительно долго. Потом он кивнул. Электричка закрыла двери и уехала прочь, к моей любимой шумной Москве. А мы остались на перроне, в некотором испуге глядя друг на друга и совсем не понимая, что делать дальше. Логическому объяснению наш поступок не подчинился. Но я вдруг почувствовала такое невероятное, такое всеобъемлющее счастье, что мне на мгновение даже стало страшно. Что же будет дальше? О, этого я совершенно не представляла, но от одной мысли, что это «дальше» вообще будет, мне вдруг захотелось смеяться и плясать. Я, нет, мы – мы определенно сошли с ума. Как его имя? Он, кажется, представлялся.

– Я забыла, как тебя зовут? – с удивлением прошептала я, стараясь хоть как-то сдерживать волну накатившего восторга. Смешно, что через секунду после того, как закрылись двери электрички, мы уже были на «ты». Еще бы.

– Константин. Теперь не забудешь? – тоже очень тихо сказал он.

Я кивнула.

– Теперь не забуду. Постоянный. В каком-то фильме это было, да?

– Да, да... В «Покровских воротах». А ты, значит, Саша. Видишь, я помню.

– Да.

– Если бы ты даже не сказала ничего, я бы все равно не уехал, – зачем-то добавил он и взял меня за руку. – Просто я совсем не умею этого делать.

– Чего? – не поняла я.

– Ну, знакомиться. Например, спрашивать, не оставишь ли ты мне номер своего телефона? Не против ли ты как-нибудь встретиться со мной? В другой раз? И где ты, кстати, живешь? В Москве, да?

– Да. А ты? Слушай, я вообще ничего о тебе не знаю, – рассмеялась я. – Как все странно.

– Так ты дашь мне телефон? Мне бы хотелось закончить с этой частью побыстрее, – нахмурился он.

– До следующей электрички? – уточнила я.

Он вздохнул, развел руками и нерешительно посмотрел на меня.

– Мне надо попасть в город. Но не обязательно прямо сейчас. Значит, ты из Москвы. Я тоже. И тут ты с родителями.

– Да, – кивнула я, еле заметно дернувшись. На секунду я вдруг отчетливо вспомнила, что где-то там, за полем, вместе с моим папой удит рыбу другой мужчина, который по праву считает меня своей. И с удивлением обнаружила, что это не имеет ровно никакого значения. – А ты что здесь делаешь?

– Меня друзья вытащили на шашлыки. Они считают, что мне надо развеяться, а я, признаться, не большой любитель природы. Комары, опять же. Нет, дачные посиделки не для меня. Но раз тут оказалась ты, моя поездка имела смысл. Так что насчет телефона? – настойчиво повторил он свой вопрос. В его голосе не было ни тени флирта, а у меня так и не возникло желание поломаться или пококетничать. «Но раз тут оказалась ты...», он сказал это так, что я поняла: мое появление в его жизни – событие безусловной важности.

– Да. Тут оказалась я. Пиши телефон. И мне оставь свой, – скомандовала я.

Он на секунду застыл, с интересом глядя на меня, затем достал из сумки блокнот. Я нацарапала свой номер, который еле вспомнила, так как на память его учить как-то не было повода. А потом он вырвал листок и написал мне свой.

У него был твердый, размашистый почерк. Ровные, крупные буквы. Кажется, психологи считают, что это говорит о цельности натуры. Что ж, очень может быть.

– Я, кстати, тоже терпеть не могу всю эту природу. Люблю Москву.

– Значит, у нас есть что-то общее, – довольно кивнул он.

А я подумала, что еще между нами вот этот странный трепет, который охватывает меня, когда я на него смотрю. Ну, и еще Москва. Уже немало.

Через двадцать минут подошла следующая электричка. На майские они ходили по летнему расписанию, чтобы разместить всех желающих, то есть довольно часто. Двадцать минут – очень мало. Нам их еле-еле хватило, чтобы немного помолчать, выяснить, что мы оба курим, что он читает только исторические книги и журналы про автомобили. И не читает ничего из Интернета, потому что там пишут сплошную ерунду.

– И перед тобой один из легиона тех самых невидимых создателей этой информационной помойки! – гордо объявила я, поймав его недоуменный взгляд.

– В каком смысле?

– Я пишу эту дребедень, – пояснила я, а улыбка не сходила с моих губ. В кармане папиной старой куртки лежал кусочек бумаги с телефонным номером. Жизнь была прекрасна.

– Ты что – журналистка? Ничего себе! – восхитился он.

Я гордо задрала нос.

– А то как же, еще бы. Вот после сегодняшнего дня, к примеру, я могу написать статью под названием «Она думала, что встретила маньяка, а это был очень даже симпатичный мужчина».

– То есть я могу попасть в историю? – рассмеялся он. – Я так и думал, что мои приключения добром не кончатся.

– Нет, это, пожалуй, не заинтересует читателей. Надо по-другому. «Пьяный художник, заплутавший в подмосковном лесу, был принят местными жителями за маньяка». Да, так гораздо лучше, – задумчиво произнесла я, чем вызвала у Константина новый приступ хохота.

– Сразу видно профессионала, – сквозь смех пробормотал он.

Я меланхолично кивнула. Самая прелесть моей работы заключалась в том, что хоть я сейчас и шутила, завтра заметка с таким названием будет написана. Не факт, что начальница ее примет, но... попытка не пытка.

И тут я услышала ее, приближающуюся издали с легким металлическим гулом, моего злейшего врага – электричку.

– Тебе пора, – вздохнула я и сжала зубы, чтобы сдержаться и не ляпнуть ничего лишнего.

Он должен уехать, было бы странно и нелепо, если бы он опять остался. И он уехал. Из-за грязного стекла в тамбуре электрички он смотрел на меня не отрываясь, и его глаза были такими же больными и тревожными, как, наверное, и мои. Несмотря на всю нелогичность происходящего, я почувствовала себя так, словно у меня отрезали часть тела – что-то очень важное и нужное. Мы не успели ничего сказать или даже подумать толком, как расстались, и невыносимое чувство одиночества окутало меня невидимым одеялом, через которое все краски начинающегося вечера поблекли и стали почти незаметны. Я поплелась обратно в сторону дачного поселка, совершенно не представляя, что буду там делать и как мне теперь следует себя вести. Ничего не произошло, а я все же чувствовала смутную вину перед Сашей, о котором совсем забыла и которого все равно уже решила бросить. Если еще утром майские шашлыки, Шушера, немилый мне Саша – все это и было моей жизнью, настоящей, подлинной, то теперь моя реальная жизнь растаяла вдаль вместе с затихшим гулом электрички, и я осталась в без-

воздушной среде, выброшенная вперед во времени. То, что ждало меня на даче, оставалось в прошлом, только это прошлое еще ни о чем не догадывалось.

– О, вот и наша гулена. Где ж ты пропадала? Мы с твоим кавалером уже бычков наложили! – пробасил папа, завидев, как я на ватных ногах доплетаюсь до участка.

– Молодцы, – вяло отреагировала я, стараясь пройти краем дорожки и ни на кого особенно не смотреть.

– Устала? – заботливо поинтересовалась мама. – Сейчас будем обедать.

– Обедать? Я не хочу, – покачала головой я.

– Ты здорова? Ноги не промочила? – забеспокоилась она.

По-видимому, я вечерняя столь разительно отличалась от себя же утренней, что это требовало какого-то пояснения. Но у меня его не было. Не могла же я сказать им, что абстрактный брюнет высокого роста с черными глазами уехал вдаль и я сразу же почувствовала себя совершенно брошенной. Интересно, кстати, что бы они подумали, если бы я действительно так сказала?

– Нет, я в порядке. Это все ваш хренов свежий воздух, я спать хочу, просто умираю, – грубовато сказала я, чтобы все сразу отстали.

И они отстали, положили меня под мою верблюжку и даже демонстративно ходили мимо на цыпочках, чтобы меня не побеспокоить, хотя дача у нас небольшая, и с террасы, где они ужинали, до меня долго доносились раскаты смеха и какие-то крики. Веселье было в разгаре, а я свернулась в клубочек, положив под подушку свой мобильник, и закрыла глаза. Я попыталась вспомнить его лицо, но это получилось у меня с трудом, и он вышел как бы размытый. Отдельно я могла представить его улыбку или его куртку, его ладонь, когда он пожимает мне руку. Я помнила, с какой интонацией он сказал: «Но раз тут оказалась ты, моя поездка имела смысл». Но вспомнить его целиком у меня не очень получалось, а через какое-то время я и вправду заснула.

Наутро воспоминания о моем странном знакомстве не то чтобы стерлись, но определенно померкли, утратили реальность. С нормальной женщиной никак не может произойти ничего подобного. Нечего даже и думать, надо жить дальше, а как жить и с кем – непонятно, потому что рядом со мной лежит и мирно сопит, чуть шевеля губами, мой Саша. Я проснулась очень рано и с интересом ученого-исследователя, не без доли садизма, кстати, рассматривала его лицо, такое знакомое и родное, ставшее мне безразличным. Как все в мире странно, вот он – живой, доступный, согласный терпеть мои выкрутасы, а я люблю воспоминания о человеке, которого видела всего раз в жизни. Может быть, я кругом не права?

– Ты что не спишь? – сонно пробормотал Саша, почувствовав мой взгляд, и придвинулся ко мне, притянул меня к себе одной рукой.

– Спи-спи, – шепнула ему я и откинулась на подушку.

Шушера, вернувшись под утро, мирно дремала у нас в ногах, но тут она подняла свою плоскую пушистую морду и потерлась ею об мои пятки. В знак одобрения, не иначе. Она-то уж точно не жалела своих кавалеров. Я вздохнула, выскользнула из-под Сашиной руки, захватив из-под подушки телефон, и вышла во двор, вставив босые ноги в теплые зимние валенки с галошами и замотавшись в папину куртку.

«Не позвонил», – удивленно отметила я, прикуривая сигарету.

Я затаилась вкусным дымом, перемешавшимся с морозной свежестью майского утра, еще раз бросила взгляд на дисплей аппарата и сунула его в карман. Честно говоря, я была уверена, что Константин позвонит, стоит нам только расстаться. Почему? А действительно, почему я была уверена в такой несусветной глупости?

«Ну и ладно», – пожала плечами я, подавив странное желание расплакаться. Чай, не барышня, и, чай, не «шешнадцать». Переживу.

Я достала из другого кармана куртки заветный листок бумаги, посмотрела на него внимательно, но так, чтобы все-таки не видеть номера. И, стараясь не думать ни о чем, поднесла к листочку зажигалку и сожгла его дотла. Сама бы я звонить Константину все равно не стала. Мало ли чего мне приключилось в весеннем лесу.

– Что ты тут делаешь? – раздался голос за моей спиной.

Саша стоял на крылечке в одной майке и забавно дрожал. Все-таки жаль мне с ним расставаться.

– Курю.

– Так рано? Это вредно.

– И что? Зато я вчера весь вечер не курила.

– Потому что спала, – усмехнулся он и достал пачку своих «Winston».

Мы молча покурили, любуясь красотами природы. Потом я сказала:

– Я думаю, нам с тобой лучше расстаться.

– Что? – не сразу понял он, хотя тут же побледнел. Может быть, от холода. Все же ночи в мае еще холодные.

– Я – не то, что тебе нужно. Ты отличный парень, я была бы рада, если бы мы с тобой остались друзьями, но...

– Но ты меня бросаешь, – закончил он за меня.

Я вздохнула и прикурила еще одну сигарету.

– Да.

– Почему?

– Я же сказала, все из-за меня. Я тебе не подхожу, – аккуратно пояснила я.

На его месте я бы лучше приняла именно этот вариант объяснения, но он поступил иначе.

– Я сам решу, подходишь ты мне или нет. Что произошло? У тебя кто-то появился?

– Никого у меня нет, – гордо заявила я, и это было правдой, я ведь сожгла бумажку. У меня никого.

– Саша, но это же ерунда какая-то. Нам ведь хорошо вместе. Я думал, мы с тобой на фотовыставку поедem. В Египет.

– В Египет ты найдешь с кем поехать, желающих будет – целая очередь.

– Это... это неправильно, – пожаловался он. Я кивнула. Действительно, ничего правильного в том, что происходило сейчас, не было. – Интересно, ты давно так решила? Еще до шашлыков или после?

– Какая разница? – смутилась я.

Конечно же, тот факт, что я решила это еще до поездки сюда, не делал мне чести. Но чести я сейчас уже и не хотела. Я мечтала, чтобы все поскорее кончилось. Саша же сплюнул попавшую на язык табачинку и зло бросил:

– Ты всегда все разрушаешь. Ты просто боишься, что тебя бросят первыми! Ну и что, хорошо тебе? Или ты думаешь, за тобой кучи принцев в очередь выстроятся?

– Ты хочешь сделать мне больно? Что ж, считай, что тебе удалось, – пожала плечами я. Кучи принцев? Скажет тоже. Тут даже из электричек не звонят.

– Извини, – опустил глаза он. – Я сам не знаю, что говорю. Это так неожиданно.

– Саша, пойми, так будет лучше для нас обоих, – добавила я, но он замотал головой.

– Пустые слова, так всегда говорят, – изменившимся голосом сказал он и задрожал еще больше. Я даже испугалась, что он сейчас заплачет. Пустит эту самую скупую мужскую слезу. И пожалела, что не отправила ему прощальное SMS. Мне казалось, что это будет слишком жестоко и непорядочно, особенно по отношению к Саше, потому что он действительно хороший. А я – мерзавка.

– Пусть так. Я сказала то, что должна была сказать.

– Тогда я уезжаю, – помолчав, выдавил он и бросил сигарету. Потом немного суетливо подскочил с места и кинулся собирать свои вещи. Он зашел в дом, а через пять минут выбежал из него, уже одетый и обутый в кроссовки. Закурил снова, пока загружал машину, а я все-таки не выдержала и принялась малодушно носиться вокруг, пытаюсь оправдываться и говорить какие-то уже несущественные вещи, жаловаться на то, что я и в самом деле полная дура и не умею ценить того счастья, которое само плывет мне в руки.

– Напиши об этом статью! – вдруг гаркнул он так, что я подпрыгнула на месте.

Он завел машину и уехал, оставив после себя только клубы белого дыма. Да и те рассосались и исчезли через несколько минут, а ко мне подошла Шушка, мягко потерлась об мои ноги и запрыгнула ко мне на колени.

– Что тут произошло? – Из дома выглянула сонная, ничего не понимающая мама.

– Ничего особенного, спи, мам, – досадливо пробормотала я.

Надо было все же потерпеть с прощанием до Москвы. Но не шмогла я, не шмогла!

– А где Саша?

– Он уехал.

– Куда?

– Туда. – Я глупо махнула в сторону дороги, а мама, сообразив, что я несу какую-то ересь, выскочила во двор в одной ночной рубашке.

– Вы что, поссорились?

– Нет, мам. Иди в дом, простудишься.

– Не поссорились?

– Мы не поссорились, мы расстались. Извини, что так получилось, что прямо тут. Но так уж вышло. Мам, слушай, иди в дом!

– Я так и знала! – всплеснула руками мама. – Ты просто сумасбродная балда. Тебе двадцать восемь, Саша, а он – отличный парень. А ты опять туда же? Я уже старая, я хочу внуков, о правнуках я даже и не мечтаю. И, скажи на милость, кто ж тебе тогда нужен?

– Никто, – буркнула я, вспомнив Константина в светло-голубых джинсах и бежевой куртке. Вчера мне на секунду показалось, что мне всю жизнь был нужен именно он. Но теперь оставалось лишь мужественно терпеть, выслушивая вполне справедливые попреки моих родителей. Они-то любили меня, они хотели мне только хорошего. Я-то сама ведь не понимаю, в чем мое счастье. Все думаю то о работе своей, то о кошке. А семья – самое ценное, что только и может быть у человека.

– Да-да, и не считай, что все это – наши старческие бредни. И в кого ты такая уродилась? – возмущались они.

«В Шушери», – про себя сказала я, собирая свой рюкзачок. Теперь-то мне пришлось возвращаться домой на электричке. Возможно, что на той же самой, что вчера уехал он. Черт, надо все-таки как-то выбросить его из головы. Но не получалось, я все равно думала о нем, снова и снова пытаюсь понять, почему он не позвонил. Ведь что-то же было между нами, мы оба это почувствовали. А теперь я по собственной глупости должна тащить рюкзак с вещами и Шушеру в домике на себе, пешком, через лес.

До станции я доплелась только за час, опоздала на одну электричку, а в другой села на единственное оставшееся место, но рядом в ту же секунду появилась очень жалобная старушка, переминающаяся с ноги на ногу. А поскольку я не выношу вида таких старушек и меня моментально начинает колоть совесть (хорошее, что ни говори, у меня было воспитание), я встала и до конца поездки просидела верхом на Шушкином домике прямо в тамбуре.

«Господи, как же хорошо дома», – подумала я, вытряхнув возмущенное животное на пол в нашей родной квартире. И мы обе, не сговариваясь, тут же пошли на кухню, вымыли руки (Шушка вылизала лапы, конечно же) и сели пить чай на нашем подоконнике, глядя на яркую реку из света фар и габаритных огней. Легкая грусть, связанная с теперь уже тотальным оди-

ночеством, не пугала и не смущала меня. Грусть – вполне интересное чувство, оно имеет свой вкус и аромат, и иногда оно очень даже уместно. Например, когда ты не дождалась звонка от понравившегося тебе мужчины. Смертельно понравившегося, да, до дрожи в коленях. Ну и что? Ну и ладно, ничего. За грустью придет радость, за радостью что-нибудь еще, а мне надо написать несколько статей, так что на грусть, по большому счету, времени нет. И я, исполненная удовольствия от того факта, что я такая вот сильная и устойчивая к любым, даже очень сильным чувствам, гордая собой, отправилась к ноутбуку.

Глава 4

Ай-ай, как неприлично!

Он позвонил на следующий день, и именно в тот момент, когда я была к этому совершенно не готова. Весь прошлый вечер и львиную часть ночи я просидела у компьютера, сочиняя статьи, так что наутро вставала с огромными проблемами и провалами во времени. В итоге, когда я добралась до работы, там все уже было плохо – все всё знали. Я имею в виду наш с Сашей скоростной гражданский развод, которого, как выяснилось, никто не ожидал.

Саша, естественно, приехал раньше меня. Он и в город-то вчера попал прямо с утра, и писать ему ничего не требовалось, так что ему... я чуть не подумала, что ему куда легче, чем мне. Но, конечно же, это было несправедливо. Его, а не меня вчера поутру оставила любимая девушка, причем оставила просто так, без единой видимой причины. И теперь весь наш офис проявлял к нему активное и деятельное сочувствие, особенно та часть женского населения, которая вполне была бы рада заменить меня на посту.

– Как ты могла? – патетично спросила меня Тоська, сведя брови. Эдакий взгляд «полнейшее непонимание с оттенком презрения». Она поймала меня в дверях, я стояла около мусорного ведра и с сожалением рассматривала разбитую и выброшенную фоторамку с коричневым ободком. Мы с Сашей в Египте. Эта фоторамка еще в пятницу стояла у него на столе, и мы на ней счастливо улыбались вместе, а теперь там только я, стекло разбито и в пыли. Это выглядело так по-детски, и я уверена, что это было первое, что Саша сделал, придя в офис. Что ж, он имеет право. Я достала из-под обломков свою фотку и спросила у Тоськи:

– Уже все обсосали? Все грязные подробности?

– На нем лица нет! – попыталась устыдить меня она, но я покачала головой.

– Никуда его лицо не денется.

– Ты хоть понимаешь, что все уже ждали вашей свадьбы, – возмутилась она.

– Значит, все, кроме меня. Слушайте, а почему вы все меня пытаетесь выдать замуж? – взъелась на нее я. – Нет, ну маму с папой я понимаю, им нужен внук. А тебе-то что?

– Я хочу, чтобы ты была счастлива. Саша – замечательный парень, и тебе должно быть стыдно, – раздраженно бросила она.

По ее мнению, я должна оправдываться и поджимать хвост. Но вид своей фотографии в курительной помойке вывел меня из себя настолько, что мне не было уже жалко никого.

– Я счастлива, – попыталась закончить этот разговор я.

– Ты даже не знаешь, что такое счастье. Ты просто никогда не была с кем-то по-настоящему вместе.

– Да? И что? Меня такая жизнь устраивает. Я однажды прожила с мужчиной полгода. И мне не понравилось.

– Значит, ты его не любила, – примирительно сказала она.

– Может быть. Или я вообще на это не способна, – фыркнула я.

– А Сашка вне себя. Имей в виду, – предупредила меня Тося. И как раз вовремя, потому что через пару секунд из офиса вышел Саша и застыл, увидев меня. На его лице мгновенно появилось хорошо отрепетированное ледяное выражение. Я представила, как он воображал эту сцену все утро, и чуть не засмеялась. Он же сделал вид, что меня тут нет вообще, а фотографию в моей руке предпочел проигнорировать.

– Я пойду, – пискнула Тоська и исчезла в дверях. Я не стала гневить судьбу и пошла за ней.

Итак, ситуация сложилась тупиковая. Мы работали вместе, оставалось только смириться с тем фактом, что никто из нас не готов терять работу. Я, во всяком случае, точно не была

согласна на такие жертвы, а значит, эта пытка еще продолжится какое-то время, отравляя нам обоим жизнь.

Мало того, что мы сидели в одной комнате и молчали, делая вид, что совершенно ничего не происходит. Мы, ко всему прочему, друг с другом постоянно сталкивались. То около чайника, когда один из нас делал кофе, то около принтера или ксерокса. Мы стояли рядом, старательно глядя в противоположные стороны, а народ смотрел на нас и потом все это обсуждал. Под конец дня, когда накал страстей все же немного спал, а я, голодная, топталась около столыка с посудой и с нетерпением ждала, когда заварятся жутко вредные моментальные макароны из пластиковой коробки, мой телефон неожиданно зазвонил. Я раздраженно схватила трубку, не посмотрев, как обычно, на дисплей. Единственное, что меня интересовало в ту минуту, это макароны и, может быть, какой-нибудь повод покинуть рабочее место. Видеть оскорбленного Сашу у меня уже почти не было сил.

– Привет, – низкий, немного взволнованный голос в аппарате заставил меня остолбенеть и моментально покрыться испариной. Это был он. Мне кажется, что, даже если бы он ничего не сказал, а просто дышал в трубку, я бы и то его узнала. Если бы не я, то мое тело точно бы узнало его, а я все бы поняла по внезапному стуку сердца, неритмичному и довольно болезненному.

– Привет, – с трудом ответила я. – Это ты.

– А это – ты, – также утвердительно сказал он. – Я думал, ты мне позвонишь. Почему ты не позвонила?

– Я выкинула твой номер. То есть я его сожгла, – как есть бухнула я, даже не думая о том, как он воспримет мои слова.

– Сожгла? Кошмар. Ты не хочешь меня слышать? – В его голосе появилось беспокойство.

– Нет! – чуть ли не крикнула я, запоздало оглянувшись вокруг. Все-таки я в офисе, вокруг меня люди. Да что там люди – Саша сидел и слушал мой разговор с белым лицом.

– Ты свободна вечером?

– Абсолютно, – заверила его я.

– Так зачем же тогда ты его сожгла?

– Я... я испугалась, что позвоню.

– И что? – удивился он.

– Так нельзя, разве ты не знаешь, что девушки не должны звонить мужчинам? – ласково улыбнулась я, поймав себя на мысли, что ведь уже даже не помню в точности, как он выглядит. – А ты почему не позвонил сразу?

– Я просто не мог. Но очень хотел. И, знаешь, Саша, меня это сильно пугает.

– И меня, – удовлетворенно призналась я. Значит, и с ним происходит то же самое, что и со мной. Отлично.

– Так где нам встретиться? Ты на работе? Пишешь свои статьи? Я сегодня целый день читаю всякие заметки в Интернете.

– Зачем?

– Мне кажется, что все их написала ты, хотя я понимаю, что это невозможно. Слушай, а скажи, это ты писала про то, что любой человек может научиться читать мысли?

– Нет, – засмеялась я. – А ты хочешь научиться?

– Я бы хотел прочитать твои мысли.

– Я могу и так тебе их все рассказать, – пожала плечами я.

– Нет, так неинтересно. Я лучше попытаюсь их угадать. Уверен, что однажды у меня получится, – заверил меня он.

– Конечно, ты сможешь, – подтвердила я.

– Хочешь, я встречу тебя у работы, – предложил он, и я чуть было не согласилась, но наткнулась взглядом на Сашу и моментально передумала.

– Давай лучше встретимся около Пушкина.

– На Тверской? – Он мгновенно понял, о чем я говорю. В ту нашу встречу он, кажется, говорил, что тоже любит город.

– Да. Можно будет погулять.

– Отличная идея. Я готов гулять, – обрадовался он.

– В семь? – спросила я.

– Давай в восемь.

Я не возражала, и мы, еще чуть помолчав, наконец простились. После этого я, как ныряльщик за жемчугом, вынырнула из своего персонального подводного мира и вдохнула воздух нашего офисного помещения. В воздухе стоял сильно выраженный запах моих макарон. Ням-ням.

– Значит, у тебя никого нет? – едко спросил Саша, специально пройдя мимо меня.

– Это не то, что ты подумал, – ответила я, злясь на себя за то, что оправдываюсь перед ним. Это теперь вообще не его дело.

– Я уверен, что подумал именно то, что надо, – прокомментировал он и вышел из комнаты.

Минуту мы с Тоськой и остальными молчали. Потом Тоська открыла рот, чтобы что-то сказать, но я остановила ее:

– Только не надо ни слова!

– Да? – поморщилась она.

– Да, – убедительно кивнула я.

Тогда она вздохнула и сказала:

– Как ты можешь есть такую гадость. Тащишь в рот всякую дрянь, а потом будешь болеть.

– Ага, буду, – радостно подтвердила я, и против воли, при одной мысли о том, что я вечером встречу со своим невероятным инопланетным пришельцем Константином, глупая улыбка расплзлась по моему лицу. Я опустила глаза вниз, туда, где стояли мои макарончики, пожала плечами, открыла крышку и с нежностью перемешала симпатично завитые макарошки с химически заправленным ароматным бульоном. Вообще-то вряд ли мне от этого хоть что-то будет, ведь есть всякую гадость я привыкла, так как делала это уже много-много лет. Все годы, прожитые мной на проспекте Мира в гордом одиночестве или даже в какой-то компании. Если в моей квартире и появлялся мужчина, то путь к его сердцу я прокладывала точно не через желудок. У меня имелись в арсенале всякие другие способы и средства, не буду распространяться в приличном обществе какие. А вот что касается пищи телесной, то ничего лучше пельменей со сметаной и жареной картошки я предложить не могла. Да и жареную картошку я делала только по большим праздникам, если хотела произвести на кавалера уж ОЧЕНЬ хорошее впечатление. Моя самая любимая подруга Жанна говорит, что я – смутное подобие женщины, потому что не люблю готовить, не ем шоколада и не хочу замуж. К тому же я невысокая, с маловыразительными половыми признаками (это я про грудь, к сожалению) и если не в платье, как сегодня, то издали похожа на мальчишку. Действительно, женский портрет получается странноватым.

– А, может быть, настоящая женщина должна быть именно такая, как я! – возмущалась я, но Жанка только отмахивалась. И если уж кто и был настоящей женщиной, то это именно она. Заботливая мать, она придирчиво проверяла уроки у старшего сына Юры, занималась чтением с дочкой Людочкой, следила, чтобы младшенький Димка не смотрел взрослые, не положенные четырехлетним мальчикам передачи. Она готовила огромные чаны еды, которую моментально смолачивали ее оглоеды, и следила, чтобы у мужа всегда были чистые носки.

– Вот это все и есть истинное семейное счастье, – смеялась она, заталкивая в стиральную машину горы семейного белья. Я всегда смотрела на ее круги ада с легким испугом, а когда пыталась примерить такую жизнь на себя, то понимала, что я, может, что-то и буду делать, но никогда не смогу над этим так же весело шутить. Я буду чувствовать себя как в тюрьме. Я

даже у Жанки, в ее большом деревенском доме, часто чувствовала себя именно так, почему и старалась при первой же возможности вытащить ее к себе, чем становится частью их и без того большого коллектива.

«Это не мое, – с ужасающей ясностью понимала я. – Дальше жареной картошки – ни-ни. Я и за своими-то вещами уследить не могу, так и валяются у меня дома по всей квартире, к маминому великому стыду и позору. И надеваю я часто не то, что хочу, а то, что есть чистое и относительно немятое. Какая тут может быть семья?»

– Фу, – поморщилась Тоська, глядя, как я поглощаю «макаронную химию». – Ты во сколько уходишь? Можно, я сегодня убегу чуть-чуть пораньше?

– Ну... беги. Я буду сидеть до конца, – милостиво отпустила ее я, так как до Пушкинской площади от нас рукой подать. Я могла бы оказаться около памятника уже около половины седьмого, а надо было попасть туда к восьми, а еще лучше к пятнадцати минутам девятого, чтобы, как приличной женщине, немного опоздать. Правда, опаздывать мне совсем не хотелось, как и вообще играть с ним во все эти традиционные бессмысленные игры, единственной целью которых является потребность доказать, кто кому нужнее. А тут я даже не могла скрыть, что мой странный знакомый был мне очень нужен. Хотя... я же сожгла его номер. А теперь он у меня аккуратно записан в телефоне под именем Пришелец.

– Вот и славно. Хочешь, я тебе глаза накрашу? – расщедрилась Тоська, которая по каким-то необъяснимым причинам считала себя прирожденным визажистом, что, кстати, было совсем не так.

– Не надо, – замотала головой я. Набор косметики на всякий пожарный случай имелся и у меня самой. В моем рюкзачке вообще можно найти много чего интересного и полезного. К примеру, презервативы. А что, мало ли?

– А как его зовут? – как бы невзначай, поинтересовалась Тоська.

Я чуть было не ответила, но потом посмотрела на ее хитрое лицо и улыбнулась.

– Кого?

– Ну, того, к кому ты сегодня идешь? – невинно пояснила она.

– Это не я иду, это ко мне монтер приедет, будет... чинить...

– Что? – приперла меня она.

– Трубы! – вывернулась я.

– Ах, трубы? – еще хитрее ухмыльнулась она. – И какие именно у тебя трубы не в порядке?

– Отопления, – выпалила я, не раздумывая. – Плохо топят.

– Да что ты? А у нас уже не топят. Отопление отключили, ты что, забыла?

– А у нас не отключили, – выворачивалась, как могла, я. Но много ли я могла?! При моем-то предательски счастливом лице. – И вообще, хватит с вас на сегодня одной сплетни.

– И то правда. – Она махнула на меня рукой, подхватила сумку и улепетнула вдаль.

Вскоре вслед за ней потянулась и остальная наша немногочисленная корпоративная стая. Саша ушел практически сразу после моего «разоблачения», еще раз напоследок окатив меня взглядом, полным презрения и холода. Я вздохнула. Ну почему, почему мы не можем остаться друзьями? Ведь у нас много общего: воспоминания, друзья, работа. И что теперь, дуться друг на друга вечно? Я отсидела положенное время, сражаясь насмерть за переход на пятый уровень в одной стратегии, потом накрашилась и отправилась навстречу своей судьбе.

Уже шлепая по улице, я вдруг вообразила, что он возьмет и не придет. Вообразила это просто так, в шутку, а испугалась по полной программе и практически бежала по Тверской, ругая свою фантазию почему зря. Конечно же, он пришел.

На Пушкинской площади было накурено. Здесь вообще всегда курило и пило пиво довольно большое число людей, но сейчас, среди майского тепла и солнышка, количество

людей, кажется, утроилось. Даже несмотря на то, что уже вечерело и солнце закатилось за дома, никто даже не собирался уходить.

Я увидела Константина не сразу, в нервном возбуждении высматривая его в толпе. Мне потребовалось несколько минут, чтобы сориентироваться в шумной бурлящей людской реке, а потом я наткнулась взглядом на него. Он стоял чуть поодаль, ближе к мраморной лавочке, в стороне от основной толпы, держал в руках какой-то букет, нервно переходил из стороны в сторону. И даже посматривал на часы. Волнуется? Это хорошо, потому что я сама волновалась очень сильно. Одет он был вполне по-летнему: бежевые вельветовые джинсы, футболка-поло, ветровка. Не та, что я видела на нем в прошлый раз, другая, но того же типа, спортивная. Но на ногах не кроссовки, а ботинки. У него была хорошая фигура, уверенная походка. Я могла бы вот так стоять и любоваться им, не шевелясь, чтобы не спугнуть. Но я сделала шаг к нему, и он тоже меня заметил, его немного нервное лицо озарила улыбка, и он пошел ко мне, размахивая букетом.

– Саша?

– Костя? – Мы остановились в полушаге друг от друга, не совсем представляя, что делать дальше.

– Тебе шикарно в платье! – восхитился он, жадно пробежавшись по мне взглядом, от которого я немедленно вспыхнула. – Гораздо лучше, чем в резиновых сапогах.

– Ну, спасибо, – захихикала я. – Еще папочкину куртку припомни.

– Нет, ну серьезно, я стоял и все боялся, что тебя не узнаю. Ведь, в конце концов, я тебя видел всего один раз и в...

– В костюме клоуна, – перебила его я. – А в жизни я вполне приличная женщина, как видишь.

– Это тебе, – запоздало опомнился он, протянув мне цветы. Я улыбнулась, увидев, что это темно-красные розы.

– Спасибо, очень оригинально.

– Что? А, это, – он смутился и нахмурился. – Ты имей в виду, я вообще-то довольно скучный тип. Банальный донельзя. Вот учили меня с детства, что учительнице в школе надо дарить гладиолусы, – я и дарил. А маме на Восьмое марта мимозы. А женщине, которая очень нравится, красные розы. Я так и делаю.

– Обожаю скуку, обожаю банальность, – засмеялась я, попутно отметив его «женщине, которая очень нравится». Я нравлюсь? Тем лучше. А на самом деле я уже вообще с трудом могла припомнить, чтобы за мной вот так ухаживали. С цветами, со свиданиями. Саша цветов мне не дарил, но мог подарить новый кухонный комбайн с распродажи, в надежде, что я все-таки начну готовить.

– Хорошо, если это правда хоть наполовину, иначе ты со мной быстро заскучаешь.

– Я не заскучаю, и ты тоже, – пообещала ему я, обольстительно улыбнувшись. И в ответ радостно заметила, что его глаза сразу потемнели.

– В любом случае по-другому я не умею. Я вообще никак не умею, уже все перезабыл. Не так-то просто в моем возрасте придумать, чем заинтересовать симпатичную женщину, – пожаловался он. – Пойдем гулять?

– Пойдем, – кивнула я. – А какой это у тебя такой возраст?

– Угадай, – улыбнулся он и встал в позу, подходящую, по его мнению, для разгадывания его возраста.

– Не буду, – заартачилась я. – Нашел гадалку. На тебе колец нет, как на дереве, а то я бы посчитала. Может, тридцать пять?

– Мне сорок три, – довольно сообщил он. – Я старик.

– Да? – сощурилась я. Выглядел он моложе, впрочем, мне было все равно. – А мне двадцать восемь.

– Сколько? – вытаращился он. – Я думал, тебе лет тридцать!

– Очень здорово, – зло сощурилась я. – То есть я выгляжу старше, ты хочешь сказать?

– Черт, я же говорил, что все перезабыл. Надо ж такое сморозить, – сконфуженно посмотрел на меня он. – Я просто очень надеялся, что тебе есть хотя бы тридцать. Я старше тебя на пятнадцать лет? Ужас!

– Ужас, что ты не сказал, что мне с виду восемнадцать! – фыркнула я. – Даже если это не так!

– Ты очень красива и очень молода для меня.

– То-то же. – Я гордо задрала нос, а он улыбнулся и взял меня за руку.

Мы пошли в сторону Кремля, а потом дальше вверх, к Лубянке. Мимо неслись машины, пролетали куда-то спешащие люди, зажигались фонари. А мы шли, говорили о разных несущественных вещах: о жизни, о Москве, как она нам нравится, о том, что скоро лето. Где-то в районе Центрального Детского мира он остановился, посмотрел на меня и сказал:

– Знаешь, если честно, я совершенно не представляю, что мне со всем этим делать.

– А надо что-то делать? Разве нельзя просто наслаждаться жизнью?

– Все очень сложно, – медленно протянул он.

– Ничего сложного! – возразила я. – Встретились двое людей, которым приятно пройтись по городу вдвоем. Чего тут такого серьезного? Из-за чего весь сыр-бор?

– Ты думаешь? – с сомнением посмотрел он на меня. – Ничего серьезного?

– Конечно, – улыбнулась я.

Он только крепче сжал мою ладонь, и мы пошли дальше молча, каждый думая о своем.

Я думала о том, что он сегодня нравится мне еще сильнее, чем там, в лесу. И город ему идет гораздо больше, чем природа. А еще, что у него очень сильные руки и что я хочу курить, но он как раз держит меня за ту руку, которой я обычно держу сигарету. А раз так, то я ни за что не буду курить. Перетерплю, потому что идти, держась за руки, – просто потрясающе. Здорово, если бы можно было куда-то выкинуть этот букет, который мне приходилось тащить за собой, да еще периодически подносить его к лицу и нюхать, демонстрируя, как он мне нравится. А вот о чем думал Константин, я не знала. Но эти мысли бросали тень на его лицо, и только когда он случайно смотрел на меня, то улыбался счастливой, немного растерянной улыбкой. Я улыбалась в ответ, но много бы дала, чтобы понять, о чем именно он думает там, в своем закрытом от меня внутреннем мире. Очень хотелось знать о нем все.

– А чем ты вообще занимаешься? – спросила я, чтобы хоть как-то нарушить паузу.

– Разным. В основном строительством, – уклончиво ответил он.

– Строительством? Ты строишь дома?

– Ну, не совсем строю. Проектирую. Но и стройкой тоже занимаюсь. Это совсем неинтересно, – поморщился он.

– А что же тогда интересно?

– Все, что ты пожелаешь. – Он махнул рукой, как бы обводя все, что было перед нами.

– А если я пожелаю чего-то неприличного? – с улыбкой спросила я.

Он остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Ты хоть понимаешь, что со мной делаешь? Ты можешь доиграться!

– Это угроза?! – делано испугалась я. – Я сумею за себя постоять.

– Да? – прищурился он, облизнув губы.

– Да! – с вызовом кивнула я и посмотрела ему прямо в глаза. Я могла играть с ним, как кошка с мышкой, но подозревала, что мышка здесь все-таки я.

– Ах так? Ну, попробуй!!! – покачал головой он и положил руки мне на плечи.

Я вздрогнула и перестала улыбаться. Его темные красивые глаза приблизились к моим, и теперь я могла увидеть, каким жадным, каким голодным огнем они горели. На секунду мне даже стало страшно, но потом... потом его губы коснулись моих губ, и я забыла обо всем

на свете. Он притянул меня к себе, погрузил пальцы в мои волосы, и мы целовались, словно были подростками в постпубертатном периоде, отрываясь друг от друга только для того, чтобы вдохнуть побольше воздуха.

– Это какое-то безумие, – прошептал он, на секунду остановившись, чтобы посмотреть на меня. Я почувствовала, что лицо мое горит, а губы уже начали неминуемо распухать. Что завтра скажут на работе? Как я теперь смогу смотреть Саше в глаза? Я же буду сиять от восторга.

– Ты прав! – улыбнулась я и снова подставила ему свое лицо. И не было ничего важнее для меня на свете в тот момент, как только прикоснуться к нему, чувствовать грубость его чуть небритой кожи, видеть его глаза, закрывающие от меня весь свет. Прикоснуться ладонью к его плечу.

– Мы на улице, ты хоть помнишь это? Нет, ты сумасшедшая, – засмеялся он. – Ты прекрасная, но совершенно ненормальная. Мы оба – психи.

– И что с того? – улыбнулась я.

Глава 5

Fall in love

Мы устроились на траве в Александровском саду, подставляя лица яркому солнышку. Я лежала с закрытыми глазами, и все мое тело пело, каждая клеточка пропиталась солнечным светом и теплом. И счастьем, но к счастью солнце отношения не имело. Я была счастлива, потому что рядом со мной лежал Константин, с которым мы встречались уже почти целый месяц. Прекрасный месяц, самозабвенный, полный страсти и любви.

Я была одета в бежевые бриджи и желтую футболку, я чувствовала его руку на своем плече, я слышала его дыхание. Он привстал и взглянул на меня. Я приоткрыла глаза и посмотрела на его чуть загоревшее за этот месяц, худое лицо. Мой рыцарь.

– Ты что, спишь? – спросил он, проводя травинкой по моей щеке. Я поморщилась.

– Не сплю. Это ты спишь.

– Я тебя съем.

– Приятного аппетита. – Я лениво потянулась, потом приподнялась на локтях, уткнулась носом ему в шею и вдохнула запах его одеколона. Моего любимого одеколона. Странно все-таки, что мне до такой степени все в нем нравится. Кроме разве что того, что я не могу проводить с ним каждую минуту. Константин оказался довольно-таки занятым человеком. Не могу сказать, что за прошедший месяц я хорошо его узнала, нет, вряд ли. Я знала кое-что о нем самом и почти все о его теле, худом и длинном. Я перечитала все линии на его ладонях. У него была длинная, глубокая линия жизни и две линии любви. Последнее меня смущало, особенно потому, что никаких других источников, чтобы узнать о его прошлом, у меня не имелось. Разве что можно было бы еще погадать на кофейной гуще. Говорить о себе он не любил. Жанночка считала, что это плохой знак.

В остальном, по ее же словам, Константин представлял собой тот редкий тип мужчины, который моя Жанночка называет «мужик нормальный, обыкновенный». Еще в ее классификации есть «выхухоль», так она именовала Сашу за любовь к выпендрежу и всяким модным новинкам. Потом «удоды» – эти всегда думают исключительно о себе, даже в постели, и никогда не интересуются, хорошо ли с ними женщине.

– «Удоды» уверены, что они действительно венцы творения, – смеялась подруга, замечая вскользь, что сама она замужем за помесью «удода» с «выхухолью». Мне кажется, она не права. У нее настоящая, большая и дружная семья, а то, что ее муж любит поговорить о себе и купить мобильный телефон последней серии, – так это не беда. Среди моих женатых друзей бывали случаи и похуже. Например, одна моя подруга по прошлой работе, Машка, уже несколько лет живет с наркоманом и все эти годы рассказывает нам, что его еще можно спасти и что вообще-то он хороший. Все равно его не брошу. Другая, Лидочка, которая работала медсестрой и прекрасно знала, что Машкиного мужа спасти нельзя прежде всего потому, что ему самому это на фиг не нужно, так вот она, Лида, жила с авторитарного типа «удодом», от которого у меня мурашки шли по телу. Из-за его недоброго взгляда я категорически перестала бывать у Лидочки дома, хотя очень люблю ходить в гости. Ее «удод» контролировал каждый ее шаг, а периодически, примерно раз в полгода, ставил ей синяк под глазом. Иногда под обоими. Не-а, у Жанны все очень неплохо. Муж любит и ее, и детей. И мобильники.

– И что это такое – «мужчина обыкновенный»? – удивилась я, когда она назвала так моего Костю. Для меня он, конечно же, обыкновенным не был. Этот разговор случился пару дней назад на террасе ее дома за бокалом вина.

– О, они вообще-то почти вымерли, – пояснила мне она. – Но ты, кажется, где-то откопала редкий экземплярчик.

– Где-где, в лесу! – ухмыльнулась я. – Места надо знать грибные. Так в чем их особенность? Это хуже или лучше, чем «удоды»?

– Ну, как посмотреть. Они дарят красные розы, любят свою работу, машины, футбол и вообще все, что должны любить Нормальные Мужчины. Но при этом они не напиваются в гараже по пятницам и не приползают к тебе на карачках, как «удоды», и не засыпают на унитазе.

– Слушай, это даже не «удоды»! – задорно хихикнула я. – Засыпать на унитазе – это какие-то «свины».

– Ну да, тип «свинота». Так, что дальше? Нормальные Мужчины не экономят на женщинах, дарят им милые подарочки, водят их в рестораны. И не ради условия, что потом благодарные подруги займутся с ними сексом.

– Это вообще-то совсем неплохое условие, – возмутилась я. – Ты просто не представляешь, что такое секс с ним.

– Я бы могла, конечно, представить. Только мой супруг, возможно, окажется против, – меланхолично пожалала плечами она. – Но твой Константин отведет тебя в ресторан, даже если секса не намечается. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаешься, – вздохнула я.

Он действительно был совершенством. Почти как Мэри Поппинс. Он встречал меня около работы, регулярно вручая очередной букет, ко мне домой приезжал с конфетами и дорогим красным вином. Так что конфетно-букетный период был представлен в чистом виде. Кроме того, однажды он купил нам тур на яхте, и мы целый день катались по какому-то водохранилищу. Я хохотала, как сумасшедшая, стоя на носу яхты, раскинув руки и напевая себе под нос песенку из «Титаника». Да, денег на наш роман Костя не жалел. И они у него были.

– Плохо то, что он не стремится рассказать тебе всю свою жизнь, – покачала головой Жанна.

Я отхлебнула вина и забралась с ногами в мое любимое кресло-качалку. Есть свои прелести жизни за чертой города, можно сидеть в кресле-качалке и пить вино, слушая, как поют птички. И отмахиваясь от июньских комариков, конечно же. У Жанны была какая-то электронная чудо-штука, убивающая насекомых, но я и сама ее боялась до жути. А вдруг шандарахнет током? Комаришки аж шипят и поджариваются. И все равно их намного меньше не становится.

– Я тоже не рассказываю ему всю жизнь. Это нормально. Он говорит о работе, говорит о... обо мне. Чего еще надо?

– Ты пойми, а вдруг он не хочет, чтобы ты была частью его реальной жизни? Вдруг для него это просто так? – увещевала меня она, но я упрямо качнула головой.

– Ну и что. Ну и пусть. А что, по-твоему, он сразу должен меня замуж звать?

– Замуж – не замуж, а это все ненормально, – упорствовала Жанна. И тут она тоже была права. Мой Константин был совершенно нормальным мужиком, работал архитектором, и, судя по его рассказам, очень даже успешным. Он знал все архитектурные стили и больше всего на свете любил города. Не какие-то конкретные, с индексом и географическим положением, а города вообще. Он строил дома, в которых потом жили люди, открывались магазины и рестораны. Он в самом деле любил футбол и однажды позвонил мне и спросил, хочу ли я видеть его у себя, если сегодня матч кого-то там с чем-то, и он обязательно должен его посмотреть.

– Приезжай, конечно, – обрадовалась я. – У меня и посмотришь.

– Это просто свинство с моей стороны, но я действительно буду его посматривать. Ты не обидишься? – взволнованно добавил он и, заручившись моим согласием, весь вечер пялился в голубой (нет, зеленый от травы на поле) экран. Я положила голову Косте на колени и в конце концов заснула. Я так скучала по нему, что даже просто быть рядом, у меня дома, под футбольные вопли было хорошо.

Мы встречались так часто, как только могли. Как часто мы могли, решал он. И это было нечасто. Вернее, не так часто, как мне бы хотелось. Я все понимала, не протестовала, ведь он много работал, что еще раз подтверждало его принадлежность к этому особенному клану мужчин – нормальному. Он работал, а я ждала его звонка. И от самого факта, что я снова, как в двадцать лет, сижу и дергаюсь, поминутно проверяя работоспособность своего «Nokia», мне становилось смешно и весело. Я носила теперь телефон везде-везде, даже когда шла в туалет. Я могла бы позвонить Константину и сама, причем в любой момент, именно так я и поступала, когда встречалась с Сашей. Но теперь я боялась, что покажусь навязчивой. И еще в голову лезли сотни других банальных вещей: он решит, что я легкодоступна (ха-ха, это после лесного-то знакомства), а еще ужасная хозяйка.

– Ты что, влюбилась? – спросила меня как-то Мари, моя начальница, когда я запрыгала на месте от радости, получив от него SMS: «Малыш, я тебя встречу с работы». – Чего скачешь?

– Это такая гимнастика, очень полезно для здоровья! – ушла я от ответа на первый вопрос.

– Вижу я, как ты здоровье укрепляешь, – покачала головой она. – Взяла бы и написала о пользе влюбленности для женской психики.

– Напишу обязательно, – кивнула я и пошла на свое рабочее место, чтобы глупо улыбаться, смотреть в окно и думать о поцелуях. Да, сомнений не было, я влюбилась. Я просто упала в любовь вниз головой. И ничего не хотела знать про то, что должно было навести меня на определенные мысли. Например, почему Костя никогда не остается со мной на ночь, почему он обязательно уезжает от меня, хоть я много раз говорила, что буду не против приготовить ему завтрак. Для меня согласие варить кашу или жарить омлет было равносильно подвигу. Такому же, как спасение рыбаков со льдин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.